

КОВИД

Рассказ

Enter

— Дави на кнопку! — голос Дэмина прорывался и снова падал в дробь мерного марша. Это ударно шли молотки из старого ролика «The Wall» группы «Pink Floyd». Майклу чудилось, что он стоял посередине их процессии, молотки были бесконечно высокими, и каждый их шаг при сотрясении почвы входил через ступни в тело Майкла. Это было ярче и контрастнее реальности. И в какой-то момент один из молотков вдруг отступил и всей своей блестящей железной массой опустился на голову Майкла. Майкл почувствовал себя пятном и очнулся.

Он сидел в офисе компании «Control System» на сто тридцать седьмом этаже Бурдж-Халифа. И через секунду он должен нажать на кнопку, после чего история человечества должна кардинально измениться. Должна наступить эра честности и порядка.

«Порядка... Порядка...» — отозвалось в голове, и Майкл оторвал взгляд от монитора, посмотрев в панорамное окно во всю стену. Казалось, что Майкл висит в воздухе на высоте восьмисот метров над землей, где в одном отдельном городе царит порядок уже тридцать лет. Вся геометрия окна и того, что было за окном, выверены с точностью до отрицательной величины. На фоне океана сумрачно и расплывчато проступал его собственный орлиный профиль, нахохлившийся на письменном столе. Отражение как будто парило над океаном, несмотря на сложенные крылья. Майкл был в темном спортивном комбинезоне, и поэтому было сложно определить уровень его стройности, а высвечивался он благодаря мощной настольной лампе, стоящей на другом конце стола и светящей прямо на него. Отражение тем не менее выдавало в грозной птице мужчину лет сорока с коротким ежиком на голове, большим римским носом, достаточно высокого, чтобы дотянуться через весь стол и выключить светильник.

«Нужно экономить электричество» — фантом орла моментально пропал, и на его месте сфокусировались песочные пальмовые листья и венецианские каналы — это было эклектично и очень скрупулезно выполнено, через кажущуюся невозможность. Человек — реформатор природы. Картина, словно фрактал, воспроизводилась на множестве уровней, шестеренки большие, средние, маленькие...

«Часовой механизм, а я в центре», — пронеслось у Майкла в голове. Он находится в центральной оси, вокруг которой все вертится: Дубай, Эмираты, весь мир. Майкл перефокусировал взгляд и увидел песок на парапете за окном.

Михаил Борисович Стригин родился в г. Сарапуле (Удмуртия) в 1969 году. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Кандидат физико-математических наук. Публиковался в литературных альманахах «Светулец» и «Звездный голос», в журналах «Нижний Новгород», «За-За», «Молоко», в сборниках и в ряде научных изданий. Автор двух книг стихов, лауреат ряда областных премий. Живет в г. Челябинске.

«Хоть что-то вне порядка! Какая-то живость в пейзаже. Если ежегодная февральская буря будет хотя бы раз в десять сильнее, то весь человеческий порядок исчезнет под песком уже к утру» — следы прошлого бесчинства еще не успели смести. Мойщики окон, эти небесные всадники, должны только в следующем месяце спуститься из верхнего мира. Мысль о том, что порядок ассоциируется со смертью, уже давно посещала Майкла.

«Странно, что до сих пор мойку окон не автоматизировали. Но почему же этот песок так притягивает взгляд? Не вся эта выверенная красота за окном, а доля хаоса, внесенного природой. Иногда я себя не понимаю», — страхнул он с себя мысли о смерти.

— Майкл, ты надавил на кнопку? Какого черта ты там делаешь!? Я запарился тебя ждать, — голос из смартфона вновь выскочил, как джинн из бутылки.

«Беспорядок должен быть искоренен», — его взгляд вновь упал на монитор, и он нажал Enter, вжавшись в кресло, как будто над головой прошла автоматная очередь. Майкл поднял голову, осмотрелся и не заметил каких-то отличий от того, что было До. Встал, еще раз осмотрелся, открыл гардеробной шкаф, достал рюкзак, внутри которого лежал парашан, надел его на плечи и уронил в смартфон:

— Все, Дэмин, назад пути нет, — и вышел из офиса.

«Дэмин — добродушный с китайского. В его случае оксюморон — добродушный удав» — Дэмин был вторым лицом после Майкла и отвечал в компании за безопасность.

Подъем наверх — на крышу небоскреба — занял несколько секунд. Майкл набрал на клавиатуре пароль и раскрыл тяжелую дверь. Он вышел на металлическую площадку, и мир соединился в своей желтизне: желтые здания, желтое море и желтое небо — вечный октябрь. И только вдалеке сквозь желтое гудение угадывалась синева моря и неба. В кабинете краски были значительно ярче. Фильтры, стоящие в окнах, делали этот замаранный желтым мир более реальным, чем он был.

Майкл прыгнул на мягкую кровлю и начал в полуприседе расправлять парашан. Шпиль башни вздымался еще выше, но оттуда можно прыгнуть только на парашюте, парашан там не расстелить. Эта точка башни была наивысшей, имеющей горизонтальную площадку.

Хотя до жаркого сезона было еще далеко, но темный комбинезон Майкла моментально черной дырой привлек весь поток солнечных лучей, и Майкл покрылся испариной. Когда он встал, то сразу замерз: ветер сегодня был достаточно сильным, чтобы сдуть смельчака при неловком движении. Майкл был опытным пилотом, имеющим больше сотни прыжков. С разных мест. В основном с гор. Но с небоскреба, да еще и такого, как Бурдж-Халифа, впервые. Майкл оставил этот прыжок для особого случая. Для сегодняшнего дня. Уже через короткое время это будет невозможно.

«С сегодняшнего дня вообще беспорядок будет невозможен. Через несколько минут. Сейчас протоколы всех систем придут к единому стандарту и оп-па. Все заперты в свои смартфоны», — взгляд Майкла опять пробежал по желтому горизонту.

«Человек — это зрение и немного слуха. Вижу — значит, существую», — перефразировал он Декарта.

«Могут надеть зеленые линзы и сменить планету», — хотя в полете он знал точно, что чувство рождается всей кожей и зрения тут недостаточно.

«Вкус и запах. Нужны ли они? Чтобы мыслить — не нужны. Ну, может быть, детали запаха дневного ланча. К цветам я равнодушен. Как ни крути, лишнее», — Майклу вспомнилось, что по новостям говорили о новом вирусе, который лишает вкуса и запаха.

«Насколько своевременен! Сейчас внесем немного беспорядка в этот упорядоченный мир», — с этой мыслью, совпавшей с затишьем ветра, Майкл рывком потянул за

стропы и поднял парашют в небо. Задача была сделать это быстро, но не торопясь, чтобы парашют не перекошило и чтобы за время, пока он поднимается с уровня крыши, удержать его тягу. Наверху парашют становится бессилен, как тигр, рычащий перед плетью дрессировщика. Шуму много, но толку нет. Но как иногда съедали дрессировщика, так временами гибли и опытные парашютисты. Еще раз оглядевшись, Майкл потянул вперед за стропы, запрыгнул на парашют и шагнул в восьмисотметровую пустоту.

Но как любая пустота бывает обманчивой, так и сейчас восходящий поток воздуха подхватил Майкла на руки и поднял вверх на сотню метров, почти до самой верхней отметки небоскреба. Теперь парашют оказался на той высоте, где туристов еще не было. Несмотря на свою идеальную обтекаемость, небоскроб вторгся в чужие воздушные владения и изменил розу ветров. Ветер в недоумении и бессилии бился в бронированный стеклянный каркас и, отступив, уходил вверх.

Движение против гравитации — это всегда захватывающий дух аттракцион. В мгновение ока бессильный парашют превращается в мощную птицу, взмывающую к небу. Когда тяга вверх закончилась, Майкл выдохнул, осмотрелся и придавил левую стропу. Немного отлетев от башни, парашют начал медленно спускаться. Майкл решил облететь здание против часовой стрелки и полюбоваться на себя в идеально чистом отражении окон. Он видел, как сотрудники разных офисов и квартир прильнули к окнам и подняли руки с большим пальцем вверх, означающим одобрение. Кто-то даже начал махать одеждой, как флагом, в знак солидарности. Сейчас все эти люди летели вместе с Майклом. Для них мир неожиданно раздвинулся от двух метров рабочего стола до пары десятков километров возможностей зрения. Майкл чувствовал себя героем.

«Геройство и порядок — совместимы ли они? Геройство — это всегда мощь пространства. Может, этот вирус, забирающий вкус и запах, принес человеку шестое чувство, и границы видимого расширятся хотя бы до парсека?» — облетев здание, парашют вновь поймал восходящий поток и оказался выше отметки старта. Но на этот раз Майкл выжал правую стропу, и парашют медленно, но послушно пошел на юг в сторону новых насыпанных островов, где еще не было строений и где Майкл планировал приземлиться. Издалека казалось, будто гигантский ребенок высыпал из гигантского ведрышка песок, размечая свою игровую площадку и застраивая ее впоследствии крепостями.

Весь полет, по предварительной оценке, должен занять минут десять, а внизу около острова его уже должен поджидать на катере Дэмин. Небоскребы, которые еще десять лет назад поражали воображение, теперь стояли понурившись перед величием Бурдж-Халифа. Они как будто стояли на собрании и внимали своему вождю, прислушиваясь к каждому его слову. Тот, кто находится на такой высоте, должен говорить только правду...

По мере приближения к берегу небо становилось меньше, город начал наваливаться всей своей массой, и даже пятидесятиэтажные здания вышли из сероватой глубины и уже скоро не выглядели бедными родственниками, обступив Майкла со всех сторон. Но вдруг высотные здания закончились, и голубая мощь проступила с горизонта, обняв парашют со всех сторон: Майкл залетел в низкоэтажную прибрежную зону. Через несколько секунд море уже составляло существенную площадь обзора. Майкл начал различать лица, кто-то указывал на него рукой — парашютисты были частыми гостями в небе Дубая, но парашют был впервые. И уже когда до берега оставалось несколько сот метров, Майкл услышал сзади резкий полицейский вой сирены. Причем этот вой шел не снизу, а сверху. Майкл дернулся в испуге, развернулся и увидел гигантский дрон, налетавший сзади. Он что-то говорил по-арабски и приближался бли-

же. Майкл резко потянул правую стропу и отвернул от него. Но дрон тоже скорректировал траекторию и, развернувшись по неудачной кривой, зацепил левую стропу. Парашютист моментально стал неуправляемым, Майкла начало вращать вокруг купола, и уже через несколько секунд он сделал некое подобие мертвой петли. Перед глазами в истеричной свистопляске то возникал берег с очумело смотрящими отдыхающими, то пустое серо-голубое небо. Через десяток оборотов Майкла начало тошнить — раньше он делал различные пируэты, типа качелей, но они были не такой большой амплитуды. Иногда на расстоянии он видел пролетающий, запутавшийся в стропе дрон. Не будь дрон противовесом, раскручивающим эту безумную карусель, они с Майклом наверняка столкнулись бы, и тогда дрон, подобно шару боулинга, разбросал бы Майкла на множество кеглей. Картина берега неминуемо приближалась, с каждым оборотом его детали становились контрастней, и даже на такой скорости можно было различить надувные игрушки. Еще несколько секунд, и Майкл со страшным ударом вошел в воду...

Control System

Несколько секунд Майкл вспоминал, что произошло. Гудение и боль в мышцах всего тела не позволяли ему подумать, что он умер. Но вокруг все было не желтое, а белое. Еще через секунду он понял, что его правая рука и левая нога в гипсе.

«Похоже, позвоночник целый, руки, ноги чувствую», — радостно отметил Майкл. Но голова была в какой-то скорлупке, что не позволяло крутить ею. Он увидел что-то темное на потолке, внимательно всмотрелся и понял, что там паук. Когда взгляд привык к мерно мерцающему свету, Майкл смог заметить красное пятнышко на спине паука — это была австралийская вдова, вид черной вдовы. Хотя он не слышал, чтобы кто-то умирал от укуса паука, но неприятностей от него много: судороги, тошнота. Да и умереть, по всей видимости, в больничной палате от укуса паука, упав перед этим с километровой высоты, было бы нечестно.

«Откуда в больничной, должно быть, стерильной палате паук? А что вообще в жизни честно? Паук больничным порядком не предусмотрен. Природа как будто сопротивляется навязываемому порядку. Я тоже попытался навязать порядок, и этот порядок тут же дал сдачи в виде паука-дрона. То, что я сделал, это честно?» — ведь никто из живущих на земле еще не знал, за исключением пары-сотни людей, что все они стали заложниками системы, которую вчера активировал Майкл.

«Почему вчера? Откуда я знаю, сколько я уже лежу здесь? Что там снаружи?» — это интересовало Майкла. С одной стороны, он участник и непосредственный исполнитель эксперимента планетного масштаба, с другой стороны, он сам входит в число подопытных...

Три года назад, в две тысячи семнадцатом году, их компания по заказу зарождавшегося в то время мирового правительства начала выполнять проект по тотальному контролю за населением. Этот проект преследовал несколько целей, одновременно и морального и финансового плана, что всегда позволяет подменить цели мотивами. Во-первых, контроль позволяет сразу в несколько раз снизить преступность — устройства, названные бихевиорами, по поведению людей определяют и готовящиеся и происходящие преступления. Во-вторых, контроль за покупками дает возможность компаниям предугадывать желания покупателей и обеспечивать себе сверхприбыль. Формальная сторона дела подразумевала несколько уровней: полный отказ от бумажных денег, каждый смартфон превращался в кассовый терминал, осуществляющий интеграцию владельца в мировую сеть двадцать четыре часа в сутки. Кроме того,

расставленные буквально везде уличные камеры дорабатывали недостатки системы — они следили за теми, кто позволял себе передвижение без смартфона. И, наконец, введение балльной системы как поощрений, так и наказаний — за отсутствие провинностей начислялись баллы, увеличивающие пенсию.

Мировое правительство Zero уже давно функционировало, находясь в тени. В него входили первые лица ста крупнейших мировых компаний, президенты двадцати стран, имеющих крупнейшие ВВП. Здесь можно было заметить и гигантов: торговые сети «Zara», «Ашан», и ресторанный бизнес «Макдоналдс», и арабские нефтяные компании, производителей электроники «Samsung», «Microsoft» и «Apple», владельцев крупнейших военных и автомобильных гигантов «Форд» и «Мерседес». Здесь были владельцы и молодых амбициозных концернов, типа Илона Маска. Это закрытое сообщество уже давно успешно конкурировало с ООН, принимая и ратифицируя решения на всех уровнях мировой экономики. В 2017 году Zero приобрело официальный статус, и было принято первое официальное постановление о введении в течение трех лет тотального видеоконтроля. В течение двух месяцев решение было ратифицировано в ООН. Из восьми миллиардов человек, которые попадали в поле тотального контроля, исключались несколько тысяч, в том числе упомянутые сто пятьдесят.

Майкл в них не входил. Он был ведущим специалистом в компании «Z-Control System», которая получила заказ на интеграцию и переоснащение всего мирового видеоконтента. Вся площадь земли, где проживали люди, была разбита на сегменты, все места обитания людей, включая одинокие ранчо, оснащались видеонаблюдением. Был разработан специальный модуль, согласующий между собой всех производителей смартфонов и общающийся с центральным сервером.

Большая часть коллектива, выполнявшая непосредственную работу, располагалась в соседнем с Бурдж-Халифой здании на пятнадцатом этаже. Это был самый недорогой вариант: нижние этажи снимали арендаторы, страдающие клаустрофобией, выше — стремящиеся к облакам. Пятнадцатый этаж оказался самым невостребованным. Для себя Майкл нашел небольшую стометровую однокомнатную панорамную квартиру в Бурдж-Халифе.

«Бог должен жить божественно». При этом для квартиры мебель покупалась в стиле минимализма — оплачивал он ее из своего кармана. Посредине зала стоял большой темно-синий письменный стол, рядом шкаф для бумаг и позади небольшая кухня с гардеробом. Венчал стол огромный ноутбук. Здесь Майкл только работал. Его семья — жена Елена и дочь София — жила на загородной вилле. При всей роскошности виллы Майкл умудрился снять ее не полностью — из трех гаражей он оставил только один для жены, и вилла обошлась ему на тысячу долларов в месяц дешевле. Себе он никогда не покупал автомобилей, пользуясь всегда такси, — это значительно дешевле. К тому же можно не доехать до офиса пару километров и пройти пешком, что являлось и экономией, и зарядкой.

Вдруг паук закопошился, оторвался от потолка, спустился на несколько сантиметров и снова завис.

«Как электроника. Работает и вдруг зависает. А ведь сейчас она решает, кому жить, а кому умереть» — бихевиоры, считывая поведение человека с окружающих его камер, решали, насколько он опасен, и могли приговорить его к аресту.

«Электроника не виснет, это ты сэкономишь», — вылезла откуда-то подленькая мысль, и Майкл подумал о нескольких миллионах долларов, которые он сэкономил на зарплате высококвалифицированных сотрудников, наняв специалистов послабее.

Паучок вдруг снова зашевелился, но теперь он двинулся от окна в горизонтальном направлении — это резко хлопнула дверь, и через секунду на белом фоне потолка, ря-

дом с серьезным, страшным и ядовитым образом паука, возникло всегда улыбающееся лицо Дэмина.

— Хай, ха ва ю? — сказали губы, продолжая улыбаться.

— Где я и какое сегодня число? — вопросом на извечный вопрос ответил Майкл.

— Ты в раю, не заметил, что ли? Здесь нет времени, — еще шире улыбнулся Дэмин.

— Ага, а я думаю, неспроста ко мне дьявол пожаловал? Посмотри наверх, — Майкл взглядом показал на потолок.

Дэмин посмотрел и скривил свою улыбку, сощурился и без того узкие глаза:

— Это очень дорогая клиника. Ты был без сознания трое суток. Тебя привезли на полицейской машине. Офицеры при помощи отдыхающих выловили тебя из воды. Была небольшая глубина, метрах в пятидесяти от берега. Везунчик ты! Люди говорили, что тебя швыряло из стороны в сторону, как лист в вихре, и ты легко бы мог оказаться на берегу, — на одном дыхании выпалил Дэмин.

— А что за дрон меня сбил? — при воспоминании Майкла сразу затошнило, и он чуть не подавился собственными шлаками.

— Полицейский. Ты был первой жертвой нашей запущенной системы. Камеры небоскреба сразу тебя отследили. У правоохранительных органов теперь на службе мощные дроны. Один из них тебя и подловил, — ответил Дэмин.

— Он не подловил меня, а сбил! Я первая жертва собственного порядка. Порядок — это то, что должно защищать, а он чуть не убил! — с трудом выкрикнул Майкл.

— Это была внештатная ситуация, дрон нечасто встречает парапланы, — отставивал полицейских Дэмин.

— К тому же мне пришлось внести десять тысяч залога, чтобы тебя отпустили из больницы домой. Но в суд я уже подал, компенсацию все равно получим. Я же правильно сделал? — опять улыбнулся Дэмин.

— Умница! Я думал, успею в последний раз подебоширить перед тем, как стать добропорядочным гражданином. А где мой парашан? — спросил Майкл и застонал от боли в шее.

— Ты неисправим! Все сосчитал! Он у полицейских как вещественное доказательство.

Секунду спустя Майкл вновь вспомнил о трех пропавших днях:

— Что произошло за это время?

— Ты знаешь, какова вероятность встретить динозавра на улице Дубая? — спросил неожиданно Дэмин.

— Что за глупый вопрос? Zero, — ухмыльнулся Майкл, вспомнив название мирового правительства. Идея этого названия подразумевала, что все берется из ничего. Физики давно уже прикинули массу вакуума, это число не вмещалось ни в один экран.

— А вот и нет. Пятьдесят на пятьдесят, либо встретишь, либо не встретишь. Так вот мы встретили. Ты же, наверно, краем уха слышал, что по миру идет коронавирус, который гораздо жестче, чем обычный грипп. Он сводит с ума нашу иммунную систему, обнуляя ее. Мрет тьма народу. Мы не обращали внимания, потому что последние два месяца только и были заняты работой. Уже во многих странах объявлена пандемия. Так вот наша система контроля уже на второй день отследила большую группу индусов, которые разработали эту бяку и запустили ее в Китае. Для отвода глаз. А для чего это было сделано, можешь представить? — глаза Дэмина стали занимать пол-лица от мыслительного напряжения явно в состоянии аффекта.

Майкл пытался представить, зачем можно было создать вирус и выпустить его на свободу, кроме как в военных целях.

«А почему не в военных? Может быть, перенаселение давно уже требовало определенной корректировки?» — но это напоминало стрельбу на триста шестьдесят градусов, не разбирая ни своих, ни чужих.

— Не знаю, — ответил он в итоге.

— Они решили бороться с нами! Пандемия подразумевает надеть на всех маски. И лица становятся не видны для камер! Это борцы с тотальным контролем, некая революционная индийская организация «Свобода». Но мы их всех накрыли, сейчас выясняются их контакты. Похоже, они связаны с кем-то еще, — широкое лицо Дэмина распирало еще больше от гордости за сказанное. Дэмин был хотя и невысок, но мощные скулы и лоб выдавали такой же ум.

— Какие они наивные! Я не думаю, что нам понадобится много времени, чтобы перепрограммировать систему под другие признаки, например походку, — уже фантазировал Майкл.

— Ну не знаю. Думаю, это может занять полгода.

— Эврика! Мы нанесем на каждую маску индивидуальный штрихкод и будем сканировать его теми же камерами. Вопрос закрыт. Поручи это Николосу, он справится, — как по читаному, проговорил Майкл.

— Ты гений! — ответил Дэмин и продолжил: — Я пойду. Врачи сказали, что у тебя все в порядке и через неделю тебя выпустят на свободу. Только не забывай, что на свободе каждый твой шаг теперь будет под контролем, — ухмыльнулся он.

— Хорошо. Только попроси убрать паука. Не хочу судорог в гипсе. Это был бы особый вид садизма.

Когда Дэмин ушел, Майкл опять посмотрел на паука. Его успокаивало то, что он был немного в стороне, и если бы начал десантироваться, то промахнулся бы мимо кровати.

«Я так же одинок, как и ты. Орел на крыше башни Бурдж-Халифа. Жена меня не понимает. Этой русской даме, бывшей топ-модели, важны только рестораны и шубы. Зачем ей шубы в Дубае? И зачем нужно так много заказывать в ресторанах, что обычно половина выбрасывается?» — Майкл никогда не мог понять этой русской широты. Майкл помнил, как он, зарабатывая несколько сот долларов, бедствовал в Лондоне. Вспоминая первые годы своей карьеры и маленькую квартиру на краю города, дешевый ливанский ресторан за углом, где он иногда ужинал, Майкл уснул.

Полоса черная, полоса белая

Через неделю такси доставило Майкла на его виллу на одной из пальмовых ветвей. Поселиться здесь тоже было идеей Елены. Вокруг живет весь Голливуд на пару с Болливудом.

«Индусов в этом городе больше, чем арабов», — Майкл с трудом вылез из такси, и водитель-индус подал ему костыли. Майкл оперся на них и посмотрел наверх.

«Мечта, наверно, любого программиста, который умеет грезить», — широкое панорамное окно в стиле модерн во всю ширину огромного зала виллы, на фоне которого стояла красotka в просвечивающем пеньюаре, томно положив одну руку на окно и оголив ее, а другую поставив на бедро. Она была до безобразия прекрасна.

«Я влюбился в нее на показе мод во Франции, где мы обеспечивали безопасность и информационное сопровождение мероприятия. Как я выслеживал ее потом по Европе, одаривая шикарными букетами? Это были лучшие несколько месяцев в моей жизни. А потом свадьба — и как в бетон головой. Платья, сапоги, бриллианты, снева платья, и так по кругу, она может часами с ними общаться. И я потерялся где-то среди ее гардероба, засыпан вещами, и не вздохнуть. Только работа спасает меня», — Майкл еще раз бросил взгляд наверх и заковылял к дому.

— Ты могла бы навесить меня?! — вместо приветствия произнес Майкл, когда вступил на порог.

— Ты же знаешь, я не люблю больницы, они меня вводят в депрессию. Я вообще не люблю белый, он очень прост для меня, я же брюнетка, — Лена подбросила подол своего красного пеньюара.

— Ты хотя бы потрогай меня. Я ведь совершенно случайно оказался жив. Приземлился я на секунду раньше, и вы бы неделю как меня уже похоронили. Я живу на неделю больше положенного! — почти выкрикнул Майкл.

— Милый, ты же жив. Я тут тоже не сижу. Дочь вожу в школу, посмотри, какую оранжерею нам построили, и я сторговала ее до пятидесяти тысяч, — выпятила губки Елена.

— Сколько?! — Майкл забыл про костыли, но сообразив, что дело уже сделано, плюнул и прошел в зал:

— Будь добра, помоги мне снять обувь.

— Я уже и об этом подумала. Вчера связалась с агентством, они предложили тебе двух помощниц: индуску или китайнку. Кто-то же должен за тобой ухаживать днем. Выбирай! — подмигнула Елена.

— Мне без разницы. Хотя нет, бери кто подешевле, нужно как-то окупать твою оранжерею. Я пока расположусь в кабинете, буду временно там спать, — Майкл со злостью выхватил туфлю из рук Елены и поковылял на второй этаж в свой кабинет.

— Я это предвидела, поэтому постелила тебе в кабинете. Уборщица будет китайнка, — уже вдогонку обиженно кинула Лена.

На следующий день к десяти утра приехала помощница по имени Сюли, что переводится как изящная. Душа у нее точно соответствовала имени. Они быстро нашли общий язык с Майклом, та вполне сносно говорила по-английски. Сюли навела порядок в кабинете, перемещаясь по нему невидимкой. Кабинетом эту комнату было назвать сложно — он был сопоставим с небольшой квартирой. Здесь разместились и зал, и спальня, и сам кабинет. Майкл, сидя в кровати, просматривал отчеты за неделю, читал аналитику, пытаясь разобраться в эффективности тотального контроля. Сюли протирала пыль. Майкл заполнял таблицы. Ему к концу месяца было необходимо предоставить правительству результаты триллионных затрат. Сюли незаметно привела в порядок одежду Майкла и принесла в кабинет обед.

— Спасибо, Сюли, ты молодец, я отпускаю тебя до завтра, — Майкл был доволен и Сюли, и отчетами, и том ямом, который принесла ему китайнка. На экране ноутбука бежала статистика: смертность в ДТП уменьшилась не на тридцать процентов, как в случае обычных карательных мер, а в три раза, что являлось абсолютным фурором, кражи в магазинах снизились практически до нуля. И так в каждой графе, относящейся к правонарушениям. Это была абсолютная победа «Control System», Майкл подумал, как долго они шли к этому. Он огляделся и полюбовался порядком вокруг: все часы лежали на своих местах, обувь была почищена и стояла в своих шкафчиках, и даже носки были уложены идеально. Эта картинка вызывала восторг не меньший, чем полет над Дубаем. Не хватало только изюминки на торте — любви. Но что важнее — торт или изюминка? На этот вопрос у Майкла не было ответа.

Время для него пролетало незаметно, он с воодушевлением готовил доклад, с которым должен был выступить через месяц в Лондоне, и про изюминку думать было некогда, — практически прекратились провокации в различных горячих точках, поскольку теперь было видно, кто провоцировал конфликт. Трафик наркотиков обмелел, компьютер безошибочно считывал тех, кто пытался провезти незаконный груз через таможню — бихевиоры работали безукоризненно. Несколько нарушал общую стройность отчетов масочный режим, но он пока был неповсеместным и не вносил существенного дисбаланса в показатели.

Через неделю Елена вошла в кабинет Майкла и обнаружила его в постели.

— Милый, тут неприятная новость. Сюли сегодня не придет, она оказалась зараженной новым вирусом ковид и недомогает. Я не знаю, что это такое, я только видела, что во многих торговых центрах заставляют надевать на лицо маски. Я заказала себе несколько вариантов масок разных цветов. Но все равно это ужасно, — Лена говорила и перебирала стопку с носками Майкла.

— Оставь носки, пожалуйста, в покое, Сюли их так хорошо выложила. В память о ней не трогай. Если ты не заметила, то меня тоже лихорадит. Началось вчера, но я не придал этому значения, думал, переутомление. Я уже с утра изучил этот вопрос — при этой болезни, оказывается, очень высокая смертность.

— Что такое ты говоришь? Ты хочешь сказать, что мы можем все заболеть и умереть? Тогда что ты лежишь, нужно что-то делать? — фальцетом заговорила Лена и вдруг переключилась, сменив тембр: — Ха, так это все твоя экономия! Ведь это ты выбрал китаянку! Она была подешевле. Ты убил нас!

— Да, я ее выбрал, и мы можем умереть. Вместе. Вирус действительно из Китая. И маски — это не самое худшее. И ты даже не представляешь, как ты близка к истине. Это я всех убил! Извини, мне звонит Дэммин, — в этот момент активировался скайп на ноутбуке Майкла, и песня Джона Леннона «Imagine» завибрировала в солнечных лучах ярко-желтого пустынного солнца.

— Да, Дэммин, привет! — голос прозвучал глухо, вчерашнее воодушевление сменилось моральным упадком. Нет ничего хуже, чем столкновение с неизвестностью, с беспорядком. Елена выскочила из кабинета.

«Хорошо, когда носки уложены правильно, все понятно и предсказуемо», — успел подумать Майкл, прежде чем Дэммин выпалил:

— Все гораздо запутаннее с этим коронавирусом, оказывается, эту индийскую лабораторию, которая работала якобы на революционную группу «Свобода», финансировали банковские структуры из Италии. Идет возня за передел путей товарооборота. Они хотят посадить всех людей под видом пандемии по домам, и тогда кардинально изменится весь товарный мировой поток. Он пойдет мимо торговых центров, через интернет-структуры. Это как горную реку перегородить — вода все равно ход найдет. И все ради того, чтобы сместить часть лиц, входящих в мировое правительство, и запустить новых! — Дэммин по своей китайской привычке выпалил все разом. Он говорил английскими словами, но мысли были китайскими.

«Представляю, во что превратится английский лет через двадцать, когда в каждой европейской семье появятся вот такой умный, крупноголовый родственник», — думал одновременно Майкл.

— Самое забавное из всей этой истории, что пока Италия и Китай самые пострадавшие страны, — подытожил зам Майкла.

— Дэммин, я тоже болею. И, похоже, это оно. И я все утро не могу думать о работе, хотя у меня доклад не закончен. Ведь во всем этом бреде, кажется, виноват я?! Не начни мы этого проекта с тотальным контролем, не было бы контрмер! Не выбери я уборщицу-китаянку, сейчас продолжал бы свою работу над докладом! Это все как-то связано, — лицо Майкла покрылось испариной.

— Я сегодня наконец посмотрел новости, связанные с ковидом. Ужасающие картины безлюдия в европейских столицах. Стивен Кинг пришел бы в восторг. Я не хотел такого порядка. Я не хотел отсутствия криминала в такой пустоте. В пустоте по определению нет криминала. В пустоте вообще ничего нет. Кому нужен такой порядок?! — Майкл уже приподнялся на подушке и кричал в потолок. Он сквозь лихорадку, сквозь

состояние аффекта представил пустые, холодные глазницы городов, смотрящие в космос. Но отправить в этот космос Земле уже некого.

«Современное человечество — это бесконечное число инструкций, и сбой хотя бы в небольшой их части приведет к общему коллапсу. Чиновники давно размышляют о сокращении человечества. Но только Земля — это не Дубай, где подрежь брюки и ходи в шортах. В Канаде в шортах не походишь. А если подрежешь случайно не штанины, а ремень, так и вообще брюки свалятся. Сложно даже представить эпидемию вируса на атомной электростанции. Невозможно сделать зачистку только среди дворников, да и в дворники идут с определенным складом характера, туда не затянешь физика. И кто тогда эти земные глаза, еще источающие свет и жизнь, чистить будет?» — Майклу вспомнились прослушанные им лекции по работе иммунитета, когда биолог рассказывал, что по поверхности человеческого глаза ползают миллионы фагоцитов, маленьких дворников, которые поглощают мусор, свалившийся из атмосферы на поверхность радужки.

«А запуск космических ракет? Там вообще полтора специалиста на весь земной шар. Да нас отбросит в лучшем случае лет на сто назад. И только реки будут улыбаться космосу, очищенные от человеческой нагрузки», — Майкл представил, как вся система, которую он настраивал три года, рушится как картонный домик. Как техногенные катастрофы прикрывают глазницы мегаполисов, распыляя человеческую цивилизацию по ветру.

— Не наваливай на себя лишнего. Я ж тебе сказал, что там чисто финансовый передел. Я к тебе сейчас китайского доктора отправлю, он вылечит, — голос Дэмина успокаивал.

— Ты хочешь ко мне своего колдуна подослать, — волна озноба пробежала по телу Майкла. Он был впечатлительной натурой.

— Он не колдун, он волшебник. Пока, — Дэмин отключился.

Желтый рис

Сквозь незнакомый шум в голове Майкл услышал странные звуки, доносившиеся из зала. Он собрал силы, преодолел лихорадку и отодвинул отяжелевшее одеяло. Путь до двери показался бесконечностью — пока Майкл лежал, слабость ощущалась чем-то растворенным в воздухе, а теперь она сфокусировалась, и каждый шаг казался преодолением вязкой жижи. Костыль так и норовил выскользнуть из руки. Наконец Майкл открыл дверь и вышел на балкон второго этажа, откуда, как с капитанского мостика, было видно бегство команды. Елена уже насытила вещами свой чемодан и надевала туфли. Увидев Майкла, она на секунду остановилась и тут же продолжила:

— Я позвонила в агентство, они пришлют замену Сюли. За тобой будет кому ухаживать. Я еду за Софией в школу, и мы временно разместимся у мамы. А там посмотрим.

У Майкла не было сил отвечать, он только махнул рукой.

Когда дверь закрылась, он понял, что это закрылась дверь в прошлое. Нужно было идти и заканчивать доклад, который был нужен миру, но стал безвкусным и без запаха для Майкла. И уж совсем ненужный Елене.

«Эта странная самоуверенность каждого творческого человека — думать, что ты осчастливишь этот мир», — Майкл поставил костыли, медленно стек вдоль балясины перил и сел на ступень. Посмотрел в окно — мир несколько не встревожился, иногда проезжали дорогие автомобили, везущие своих хозяев по салонам, стоматологиям, тренажерным залам, — здесь жили те, кому уже некуда было торопиться. Майкл тоже зарабатывал большие деньги, строил мировой порядок, чтобы его семье и этим

людям жилось безопасно. Он мог бы купить здесь виллу, но Майкл был рабочей лошадкой и частенько перемещался по миру, хотя к этому неординарному городу они уже привыкли.

Но все эти мировые проблемы семье были не нужны. Им жилось хорошо и без мыслей о мировом спасении. Лена в первый же год жизни в Дубае перевезла туда маму, купив ей большую квартиру в центре города. Она возила ребенка в лучшую школу. Тусила с женами таких же бизнесменов, жила в собственное удовольствие, и шагнуть в большее ей совсем не хотелось. Майкл слишком поздно понял, что за жизнь с моделью и за ее безопасность, как и за дорогие украшения, придется платить всю жизнь.

Присмотревшись к окну внимательней, Майкл обнаружил там и собственное отражение, оно возникло благодаря яркому свету из двери кабинета — его окно было освещено солнцем. Но на этот раз в отражении был не орел, а очень тускло различимый помятый цыпленок. Человек — удивительное и единственное животное, которое обладает таким широким спектром мимики.

«А что я хочу? Я ведь так мечтал о подобной женщине, о том, что такая красота будет моей. Красивая женщина — это мой порядок, это божественный порядок. А теперь я так мало уделяю Елене внимания. Меня же действительно никогда нет дома... Но дома с ней я бы давно сошел с ума. Я хотел ее, как стопку носков, положить в шкаф», — Майкл приподнялся, добрался до своей кровати, лег и забылся лихорадочным сном.

Проснулся он от звонка собственного смартфона, который, по-видимому, уже давно проигрывал рок-мелодию Фредди Меркьюри «We will rock you» и надрывался из последних сил. Майкл, мокрый от пота, схватил телефон и услышал знакомый акцент:

— Хелло, Майкл! Я доктор Тао от Дэмина, могли бы вы меня впустить? Я стою перед вашим входом, я уже звонил в домофон, но мне никто не открыл.

— Конечно, проходите и поднимайтесь наверх, я в кабинете, — Майкл нажал кнопку на смартфоне, и ворота во двор открылись. Через пять минут вплыл небольшой китаец. Создавалось ощущение, что он идет, не перебирая ногами. Он сел на край кровати, взял руку Майкла и послушал пульс.

— Плохо, очень плохо, — Тао приблизился и всмотрелся в глаза Майкла. — Вы совсем не готовы к серьезному разговору. Вы вычистили вместе с вашим домом свой организм, лишив себя всех козырей.

— Доктор, я вас не понимаю, при чем тут карты? — прошептал мокрый от пота Майкл.

— Что здесь понимать? Вирусы — это разговор природы с человеком, с любым живым существом. Ваш так называемый геном на восемьдесят процентов состоит из предыдущих общений, из вирусов, с которыми сталкивались ваши предки, с тех времен, когда еще лазили по деревьям. Посмотрите вокруг, у вас чистота, как в раю. Но в раю нет людей, там есть только души, а вы не совсем душа. Вирусы осуществляют горизонтальный диалог между людьми. Тела обмениваются таким путем различными ноу-хау. Можно сказать по-другому, ваш разговор с друзьями — это разговор душ, а обмен вирусами — это разговор тел. Разговор с друзьями тренирует душевный иммунитет, а обмен вирусами тренирует иммунитет тела. Поэтому вирусы — это не что-то злое, а очень даже необходимое, хотя и друзья бывают недобрыми. А вы, молодой человек, вычистили все: дом, семью, друзей. Когда вы последний раз дебоширили с ними? А теперь вы решили вычистить еще и весь мир. Мне Дэмин рассказывал. Так вот, преступность тренирует иммунитет человечества, и без нее общество очень быстро деградирует, как деградировало ваше тело. Вы чисты, у вас нечем бороться с вирусом.

Майкл всем своим телом ощутил внутреннюю пустоту. Он давно превратился во внешнюю форму, которая встраивалась во внешний порядок. И тут его пронзило:

«Чтобы поддерживать порядок, нужно строить больший порядок, а чтобы поддерживать больший порядок, нужно строить еще больший порядок, и так до беско-

нечности: кабинет, вилла, город, Земля. Но каждый новый ход выкачивает внутренние ресурсы».

— Все мое распылено по всему свету! — крикнул Майкл.

— Я умру? — уже спокойно и обреченно продолжил он. Непонятным образом мир отразился. Он теперь чувствовал себя слепком с прежнего Майкла. Его безопасность и порядок превратились в худшего врага. Когда-то он был увлеченным парапланеристом, но постепенно вопросы безопасности так его увлекли, что он почти забросил свои юношеские занятия и только изредка, как все, посещал тренажерный зал. Блок-схемы, алгоритмы, логистика — все это захватило его. Майкл и не заметил, как то, что его оживляло, превратилось в мираж, в воспоминания. Так же можно убирать из комнаты звуки, вычищая ее от различных шумов, и оказаться в крошечной тишине. Но попытка тишиной — самая страшная попытка. Майкл не заметил, как оказался в тишине, и теперь должен заплатить за это.

— Все не обязательно. Организм, в отличие от комнаты, посложнее и непредсказуем. Люди умирают от расчесанной ранки и выживают после падений с огромных высот, — почему-то шептал Тао. Майкл вспомнил, как в Турции на горе Бабадаг во время международных соревнований в момент старта резко сменился ветер, и его товарища Анри уже в полете, развернув на сто восемьдесят градусов, ударило о скалы. Майкл бросил свой купол и побежал помочь и, можно сказать, вытащил Анри на своей спине. Тогда дело обошлось сломанными рукой и ногой.

«Опять рука и нога», — при воспоминании о своем недавнем кручении его вновь затошнило.

— А почему вы без маски? Вы не боитесь? — сквозь тошноту спросил Майкл.

— А разве вы боитесь себя? Маска нужна тем, кто боится себя. Вы укрылись газетами, спасаясь от пожара. А нужно облиться водой, — чуть громче ответил Тао.

— Кушайте желтый рис, и вот несколько трав, которые нужно будет попить четыре раза в день, хотя рис уже вряд ли поможет, — спокойно добавил китаец.

— А зачем есть желтый рис? — недоумевающе спросил Майкл.

— Индусы не дурачки. Они разработали этот искусственный вирус, зная, что у их нации есть противоядие — естественная вакцина. Желтый рис содержит в себе микрорНК, которые распознают вирус и разрушают его. Да, мой дорогой, еда всегда модулирует наши геномы, до этого ваши генетики еще не дошли, но скоро узнают это. Не зря в Китае есть поговорка: вы есть то, что вы хотите есть, — Майкл перебил Тао истерическим хохотом. Он хохотал и не мог остановиться. Тао смотрел на него со странным выражением лица, хотя и понимал, что это не хохот сумасшедшего. Да и не сходят с ума так быстро.

Когда Майкл все-таки выбился из сил и остановился, он посмотрел действительно безумным взглядом на Тао.

— Я тысячу раз был в супермаркете. Я тысячу раз смотрел на этот желтый рис. И тысячу раз думал, что он дороже белого на целый евро. Ну зачем я буду переплачивать? — дико ухмыляясь, процитировал свои мысли Майкл. — Зачем я экономил? Чтобы купить потом квартиру для тещи, куда позже сбежит жена? Я хоть что-то делал в жизни правильно? И как я теперь понимаю, правильно — это значит в согласии с порядком?! — уже со слезами на глазах закончил Майкл, и его взгляд потух.

— Если ты не решишь, зачем тебе жить, ты действительно умрешь, — оглушающим шепотом сказал Тао.

— А теперь думай, решай, у тебя еще есть время. Пик болезни, наверно, наступит либо ночью, либо завтра, — с этими словами китаец собрал свою котомку и пошел прочь.

Спустя пару часов в дом пришла помощница-индианка из агентства. Она принесла желтый рис и противовирусные препараты, выписанные дистанционно Майклу лечащим семейным врачом. Этот врач был семейным врачом еще у сотни семей, поэтому кажущаяся индивидуальность рассеивалась, как утренний туман под дуновением множества ветерков. Доктор, очень дружелюбно и мило улыбаясь, выписывал всем одинаковые рецепты. И этот порядок, нужный в первую очередь «Pfizer», помогал поддерживать сам Майкл. Индианка, не поднимаясь наверх, приготовила обед и крикнула снизу: нужно ли что-то еще? Получив отрицательный ответ, она проголосила: «До завтра» — и удалилась.

Черная вдова

Майкл спустился вниз. Преодоление двух пролетов лестницы заняло минут десять, ноги были ватные, неконтролируемая слабость овладела всем телом. Костыли существовали и двигались по своим правилам.

«Вот уж не везет, так не везет», — он доковылял до кухни и пожевал ризотто с курицей, приготовленное индианкой. В обычной ситуации это было, наверно, вкусно. Но сейчас с огромным трудом он заставил себя проглотить эту кашу без вкуса и без запаха.

«Без вкуса и запаха?» — только сейчас он понял, что индийское ризотто должно быть ароматным.

«Это как секс в контрацептиве. Нет. Это гораздо хуже. Там ты все равно хоть что-то чувствуешь. Тут, наверно, правильное сравнение с просмотром эротического фильма. И то если помнишь, каково это — чувствовать запахи», — паника охватила Майкла. Он кинулся пробовать и нюхать все подряд: бананы, джем, попробовал даже острый перец.

«Господи, человек никогда не замечает то, что у него под ногами. Еще вчера я думал, что составлять программы, манипулирующие континентами людей, можно без вкуса и запаха. Но почему мне теперь не хочется никем манипулировать?»

Майкл посидел еще несколько минут, которые затянулись на два часа, — он все надеялся, что, может, вернутся хотя бы какие-то силы. Он сидел и раздумывал о том, во что он превратился и превратил свой коллектив. Они три года не поднимали голов от компьютеров. Непрерывные согласования протоколов различных систем для увязывания элементов тотального контроля между собой и с различными производителями. Разработка программного обеспечения для бихевиоров, которые должны были отличать преступников от добропорядочных граждан, и многое другое. Задачи, конечно, были интересные, но, с одной стороны, персонал полностью выпал из обычной жизни, с другой стороны, результаты разрушат цивилизацию. У нее полностью пропадет иммунитет. Она окажется беззащитной перед любыми необычными угрозами извне, от природных катаклизмов до вторжения инопланетян.

Майкл заварил китайской травы и, пожевав, выпил ее. Это был какой-то природный иммуномодулятор.

«Китайцы — удивительная нация. Они могут зависнуть, как ленивцы, на пару столетий в одном состоянии, а потом за несколько десятилетий догнать весь мир. Неудивительно, что они умудряются сохранить все накопленное за века. И у них одновременно сосуществуют древние ритуалы и последние ноу-хау. С одной стороны, они мудры и миролюбивы, с другой стороны, еще в восьмом веке там произошло восстание Ань Лушаня, унесшее жизней больше, чем вся Первая мировая война».

Майкл почувствовал, что сон начал оплетать его своими волокнами, он собрался с силами и отправился в обратный нелегкий путь, который показался ему бесконечно длинным. Дрожь в руках и ногах не позволяла сосредоточиться на усилиях, и он

просто диффундировал в пространстве, протекая по нему, отмечая промежуточные вехи: кухня, коридор, лестница. Взойдя на промежуточный пролет, Майкл не удержался, костыль скользнул по гладкому ламинату назад, а Майкл провалился вперед. Похоже, что он на мгновение потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел перед глазами леопардика. Это была мягкая игрушка Софии, оставленная здесь, видимо, давно.

«Почему помощница не убрала ее?»

Майкл приподнялся на колени, взял игрушку и долго рассматривал ее, пытаясь вспомнить историю ее появления.

«Вроде София увидела ее в каком-то интернет-магазине?»

— София! — выдавил Майкл пересохшими губами.

«Где она сейчас?» — Майкл встал, забрав игрушку с собой. Он преодолел еще один пролет и выпал в кабинет, с трудом удержавшись.

«Если это только начало гриппа, то что можно ожидать дальше?» — колени наконец уперлись в кровать, Майкл упал в нее, откинув костыли, прижал к себе леопардика и, не укрываясь, отключился.

Ночью он проснулся весь мокрый от пота, с огромным трудом снял пижаму, которую можно было выжимать, подумал о том, что у него не хватило сил укрыться одеялом, в противном случае он бы, наверно, растаял, как кусок льда в печке, и уснул снова.

Ему снова снились молотки из песни группы «Pink Floyd». Они победоносно шли, разбивая все, что им мешало по пути, все, что мешало держать ровный строевой шаг. В какой-то момент ему удалось убежать от них, но тут что-то обхватило его руки и ноги и поволокло в сторону. И через некоторое время Майкл понял, что это паутина, но кто ее тянет, было не видно. Паутина как будто возникала из воздуха. Вот он остановился, попытался двинуть рукой и ногой, но у него ничего не получилось. И тут сверху показался паук черная вдова. Он был размером с большую собаку. Жуть охватила и так парализованное тело Майкла. Паук приблизился и заглянул ему в глаза, и Майкл увидел, что его жуткая гримаса напоминает ему лицо президента Зеро-правления. Паук какое-то время смотрел в упор, а затем начал опутывать его своей паутиной. И Майклу показалось, что тот улыбался. Одновременно понимая, что спит, он успел подумать, что снаряд дважды в одну лунку не падает, Майкл уже спасся от прямой гибели во время падения, и вновь уйти от смерти, теперь вирусной, было бы незаслуженной роскошью. Майкл понял, что реальность вторгается в сон. Тенета все сильнее сдавливала грудь, дышать становилось все сложнее. Майкл пытался как-то раздвинуть ее руками, но толку было мало, он только сильнее выбивался из сил, и одышка доставляла боль. И когда он начал во сне терять сознание, из сердца, из глубины груди возникло тепло. Спустя мгновение Майкл осознал, что это тепло как-то связано с его дочерью Софией. И в этот момент кто-то начал рвать паутину, а спустя секунду показалась лапа, а затем и весь леопардик. Паук лежал рядом, уже рассеченный еще детскими, но уже сильными лапами юного леопарда.

Майкл попеременно смотрел то на паука, то на леопарда и в какой-то момент понял, что его спас не леопард, а собственная дочь, на общение с которой у него не было времени уже три года. И если он умрет, то ей придется жить в том обществе, которое он создал. Майкл всегда сквозь свои алгоритмы и стопки цифр на экране видел свою дочь Софию, видел ее безопасность. Но теперь безопасность превратилась в паука. Он во сне представил, как вся ее жизнь определяется несколькими нитями паутины: «Макдональдсом», «Pfizer» и «Pepsi-Cola». Он должен исправить это. Тепло в груди начало жечь, постепенно оно перешло в огонь, который перекинулся на паутину. Паутина вспыхнула и сгорела, обжигая все тело Майкла. Стало очень жарко, и Майкл

проснулся. Он вновь был весь мокрый, липкий пот вобрал в себя простыню, но теперь тяжесть отступила, и Майкл чувствовал себя живым.

На улице уже рассвело. Майкл облизал растрескавшиеся губы. Он чувствовал, что находится посередине пустыни и до края идти еще очень далеко. Но желание идти теперь было. Майкл обнял леопардика, встал и уже значительно увереннее прошел на кухню и напился воды.

Доклад

Спустя неделю Майкл уже мог работать у компьютера. Его умнейшая голова теперь работала в обратном направлении. Своей задачей он видел перенаправить ресурсы тотального контроля. Он понимал, что самой тяжелой частью будет обоснование того, что если мировые корпорации захватят полный контроль над экономикой, то быстро изживут сами себя, и тогда наступит крах уже всей мировой системы, и Вторая мировая война покажется детской игрой. Майкл с воодушевлением писал программу реструктуризации экономики и интеграции человека и бизнеса. Он даже не заметил, как солнце ярко осветило комнату и его темно-фиолетовую пижаму — через несколько минут Майкл вспотел.

«Нужно сходить в душ. Запах выдает, что я там не был уже неделю. Стоп! Я пахну! Как я рад этой вони!»

Еще через три часа усердной работы пришло сообщение: «Добрый день! Спасибо за проделанную работу. Согласно пункту 234.17 нашего договора ваша компания переходит во владение заказчика. Компенсация уже направлена на ваш расчетный счет. Всего вам хорошего».

Предельно лаконично и деликатно. Майкл остолбенело смотрел на экран и понимал, что это конец. Текст с его экрана уже кто-то обнаружил, проанализировал и доложил, что он опасен. Также Майкл понял, что только что лишился своей компании. Он просидел перед экраном не меньше часа и наконец проявил признаки жизни:

«Можно зайти с другой стороны. Деньги не обладают ни вкусом, ни запахом. Пусть велят вместе с ковидом».

Майкл удостоверился о наличии денег на расчетном счете, разослал их большую часть на счета сотрудников, затем набрал номер жены и сказал ей, что хотел бы повидаться с дочерью и что вчера сдал анализы и сейчас полностью безопасен. Он переоделся, смахнул стопку носков на пол, полюбовался беспорядком и вышел.

Через час он заехал за дочерью, подарил ей огромного и очень дорогого плюшевого медведя и детский демонстрационный кайт. А еще спустя полчаса они вместе отправились на побережье тренироваться запускать этого большого воздушного змея. В тот день Майкл впервые обратил внимание на запах океана.